

ЖЕНЯ ЮРКИНА

БЕЗЪЕДИ

ОДНОГЛАЗЫЙ ДОМ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю74

Иллюстрация на обложке и карта на форзаце
Вельги Северной

Юркина, Женя.
Ю74 Безлюд. Одноглазый дом / Женя Юркина. —
Москва : Эксмо, 2023. — 512 с.

ISBN 978-5-04-165392-7

Пьер-э-Металь — город, скроенный из камня и металла. Его улицы петляют меж глухих трущоб, шумных таверн и оживших от одиночества домов — безлюдей. Уникальная сила — их дар, служба им — проклятие.

Осиротевшие сестры Гордер попадают в чужой город и оказываются втянутыми в опасное расследование. Они — ключи к разгадке, запертые в безлюде. И если мир так жесток, можно ли доверять незнакомцам, предложившим руку помощи?

Лютен — одержимый смотритель безлюдя.

Домограф — увлеченный исследователь и карьерист с безупречной репутацией.

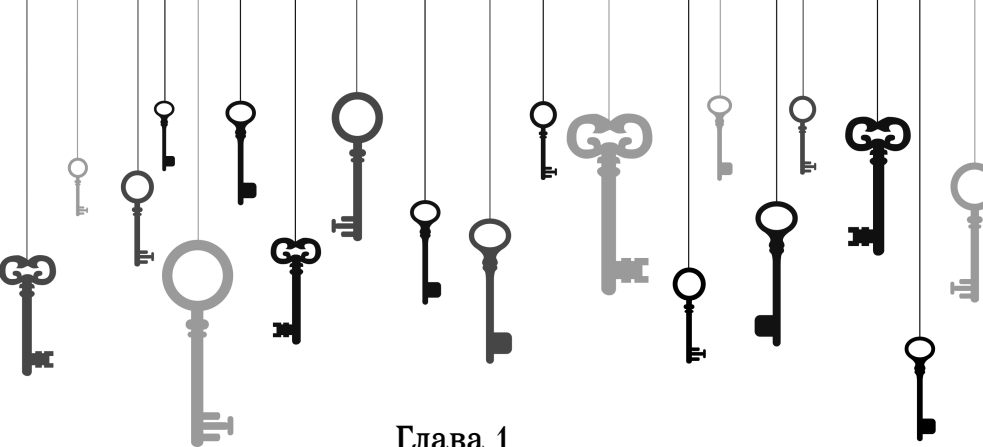
Хозяин таверны — балагур, герой сплетен и жутких легенд.

Город погряз в тайнах и заговорах: убийцы, предатели, влиятельные толстосумы, религиозные фанатики... Настало время бросить им вызов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165392-7

© Юркина Ж., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

Дом на краю

Офелия открыла глаза, не зная, что ее потревожило. Лай соседских собак? Пора бы уже привыкнуть, что каждую ночь они надрываются на всю округу. Или это ветер хлопает незакрепленными ставнями? Тогда нужно их запереть, иначе и дальше будут надоедливо греметь, не давая уснуть.

Соскользнув с кровати, она ощупью пробралась к окну. Темный провал дышал прерывисто, с протяжными выдохами и скрипучими вдохами. Задвижка была сломана, и распахнутые створки колыхались в воздухе, точно крылья ночной птицы. Офелия потянулась к ним, как вдруг заметила тень, мелькнувшую у крыльца. Она отпрянула, убеждая себя, что ей померещилось. Спряталась в складках занавесок, опасливо выглянула снова. Три темных человеческих силуэта обрисовались перед входной дверью. Кто бы это ни был, они пришли сюда не с благими намерениями.

Дом стоял на окраине, соседствуя с бедным кварталом и трущобами. Воровство и разбой давно стали для местных частью быта, из-за чего Офелия приняла полуночных гостей за грабителей. Таких не остановят дверные замки и задвижки на окнах.

Офелия заметалась по комнате, судорожно соображая, что делать: позвать сестру, разбудить родителей... И тут же замерла, сраженная ужасным осознанием. Родителей

больше нет, старшая сестра в отъезде, и рядом никого, кто мог бы защитить. Придется спасаться самой, поняла она и стремглав бросилась на первый этаж, где отчетливо слышалась возня за дверью. Пока бандиты мешкали, оставался шанс улизнуть через черный ход и перебраться в соседский двор, чтобы поднять тревогу.

Стараясь не выдать себя неосторожным движением или шумом, Офелия скользнула на кухню. Полумрак не помешал быстро отыскать ключ в корзине для фруктов и прокрасться к двери, ведущей на задний двор. До спасения оставалось несколько шагов, когда ручку дернули с той стороны. Иссохшее дерево задрожало на петлях, закашляло пылью из глубоких трещин.

Офелия нырнула под стол и спряталась за длинной скатертью, прежде чем дом сотрясся от череды гулких ударов, а потом вмиг стало так тихо, что она подумала, будто оглохла.

Вскоре беспокойный слух уловил шаркающие шаги в холле, на лестнице и, уже едва различимые, наверху. Что грабители рассчитывали отыскать в обветшалом, полузаброшенном доме? Отбросив лишние мысли, Офелия поползла к краю укрытия, надеясь улучшить момент и бежать. Ее остановил оглушительный грохот от мощного удара, выбившего кухонную дверь. Повяло сквозняком, и колючий озноб охватил от макушки до пяток.

Затаившись, она слушала, как кто-то шаркает, гремит посудой, точно ищет еду, а потом, отыскав, противно чавкает. Трапеза увенчалась звоном опрокинутой тарелки и грязной бранью, следовавшей за этим. Скатерть свисала низко, оставляя небольшой просвет: через него виднелись осколки тарелки из обожженной глазури и кусок яблочного пирога. За ним потянулась огромная ручища, и Офелия невольно дернулась, поздно заметив, что край ночной сорочки предательски торчит из-под края. Совсем чуть-чуть — и все же достаточно, чтобы выдать ее укрытие. Только она подумала об этом, как скатерть резко задралась, и в полумраке возникло лицо: бледное пятно

с блестящими глазами. Взгляд их был злобным, почти хищным.

— Кто это у нас тут? — Бандит присвистнул. — Малышка хотела сыграть в прятки? Малышка проиграла.

Лицо засмеялось — хрипло и рвано, будто заляяло. Офелия швырнула в него пустой корзиной, подвернувшейся под руку, и выскочила из-под стола, однако не смогла даже шагу ступить, как разбойник поймал ее за рукав. От рывка тонкая ткань надорвалась и выскользнула из грубой лапищи, подарив короткую надежду на побег. Уже в следующую секунду Офелия получила удар под колени и вылетела из кухни, как камень из рогатки: стремительно, неуклюже, звучно. Не успела она оправиться от падения, как ее схватили за щиколотку с такой силой, что кости хрустнули. Свободной ногой Офелия попыталась лягнуть обидчика, но слабые удары, даже попадая в цель, оказались бесполезны. Она чувствовала себя рыбой, угодившей в сеть и бестолково бьющейся в смертельной ловушке. Грабителю ничего не стоило одним движением пресечь все попытки, а он медлил нарочно, с кровожадным оскалом наблюдая за ней, будто готовясь впиться зубами.

Внезапно за его спиной возникла широкая тень и, стремительно приблизившись, обрушилась сверху с дребезжанием и звоном. Офелия чудом успела откатиться в сторону, прежде чем бандит грузно повалился на пол, а деревянный буфет, нашпигованный посудой, накрыл его, точно могильная плита.

Оцепенев от ужаса, Офелия наблюдала, как пятно вязкой жижи растекается по доскам, и только торопливые шаги на втором этаже вывели ее из ступора. Она вскочила и помчалась через холл под яростный вопль: «Хватай девочку!»

Отчаянный рывок к двери, прыжок — и вот уже лестница позади. Гравий впился в босые ступни, а она даже не притормозила и бросилась прочь с криком о помощи. Ее зов переполошил всех собак, но не зажег ни одного окна.

Улица спускалась к городским трущобам и фермам, за которыми начиналось пшеничное поле. Спрятаться там негде, попросить защиты — не у кого, а поворачивать уже поздно. С улюлюканьем и свистом преследователи неслись за ней.

Пробегая мимо фермерских участков, Офелия снова попыталась докричаться до местных. Бесполезно. В груди жгло все сильнее, а босые ноги замерзли до онемения. Тело двигалось само, как у заводной куклы. Казалось, механизм вот-вот сломается, и она рухнет на землю без чувств. Грабители тоже устали и замолкли, хотя по-прежнему не отпускали далеко.

Дорога петляла и уводила все дальше, пока не оборвалась у дома — огромного, старого и одинокого. Это был последний шанс на спасение.

Взобравшись по ступеням высокого крыльца, Офелия заколотила в запертую дверь. С той стороны раздался громкий собачий лай, но ничего больше: ни шагов, ни вопроса «кто там?». В окне — ни тени, ни проблеска света.

— Откройте! Спасите! Умоляю!

Голос ее сорвался в рыдания, что лишь раззадорило преследователей, окруживших крыльцо. Они зашлись хриплым смехом, подступая ближе. Загнанная в ловушку, Офелия вжалась в дверь, с горечью осознав, что все надежды напрасны: местные никогда не отзовутся и никому не помогут. Таковы традиции города. Один из бандитов, тот, что выше и шире остальных, уже поднимался по лестнице, разведя в стороны огромные ручищи, готовые схватить добычу.

Неожиданно дверь за спиной распахнулась, и какая-то неведомая сила затащила ее в дом. Офелия не удержалась на ногах и упала навзничь, приложившись затылком к каменному полу. В глазах потемнело, и на время она вообще перестала что-либо видеть, доверяя лишь слуху. Раздался металлический скрежет, затем грохот, яростные возгласы и ругань.

— Эй, верни девчонку! — рявкнули из-за двери.

— Иначе спалим к демонам весь дом!

Офелия лежала, боясь пошевелиться и готовясь к худшему: вот сейчас ее схватят и вышвырнут вон, чтобы избавиться от проблемы. Вместо этого голос из темноты властно шикнул:

— Марш наверх! Прячься!

Позабыв о боли, она поднялась и интуитивно побежала на свет, к лестнице. Взлетев по ступеням, юркнула в первую замеченную дверь. За ней оказалась небольшая спальня. Офелия рыбкой нырнула под кровать, натянула край покрывала до пола и затаилась.

Мог ли хозяин дома в одиночку противостоять троим? С ужасом она представила, что случится, если грабители прорвутся внутрь. Никакое укрытие ее не уберезет. Фантазии прервались чередой звуков: звоном разбитого стекла, стуком, лязгом и парой громких хлопков, похожих на выстрелы. А потом наступила гнетущая тишина.

Офелия вся сжалась и, кажется, перестала дышать. Прислушалась. Глухой стук. Скрип двери. Щелчок тумблера лампы. Чьи-то медленные шаги, звучащие все ближе...

Она видела лишь кожаные сапоги — высокие, с толстой шнуровкой, такие в доме не носят. К горлу подкатила тошнота. *«Хоть бы не они, хоть бы не они...»* — взмолилась Офелия. Тем временем человек вычислил, где она прячется, опустился на колени и заглянул под кровать.

На Офелию уставились черные и блестящие, как лакричные конфеты, глаза.

— Можешь вылезать, они ушли.

Ей протянули руку и помогли выбраться.

— Как твоя голова?

— На месте, — буркнула Офелия, осторожно ощупывая шишку на затылке, и осмелилась посмотреть на своего спасителя.

Он выглядел ровесником ее двадцатилетней сестры или только казался младше своего возраста. Возможно, такое впечатление создавала его щуплая фигура в наглухо застегнутой куртке с металлической фурнитурой и брюках, заправленных в высокие сапоги. Похожую одежду носили

охотники, а у него лицо было «неохотничье»: доброе, выразительное и необычайно подвижное, будто он примерял на себя разные эмоции и никак не мог определиться.

— Если захочешь умыться, ванная напротив. В котле есть горячая вода.

Не успела Офелия поблагодарить радушного хозяина, как раздался жуткий вой.

— Бо ругается, что я запер его, — успокоил спаситель и скрылся. Наверно, поспешил вызволить узника, поскольку вой вскоре затих.

Оставшись одна, Офелия резко ощутила усталость, взглянула на босые ноги — все в пыли и ссадинах — и заключила, что встреча с мылом неизбежна.

Ванную комнату украшали изразцы, латунные краники и прочие изыски. Под круглым окном стояла массивная ванна на звериных лапах. Сплошная роскошь, пусть обветшавшая и запущенная, если приглядеться. По стенам расплозились ветвистые трещины, котел покрылся ржавчиной, а лепной узор на потолке зиял пустотой — пара фрагментов выпала, словно молочные зубы.

Наскоро ополоснувшись, Офелия отправилась на поиски хозяина. Следуя на свист чайника, она забрела на кухню. На пороге ее встретил пес: бело-рыжий, с черными подпалинами на спине и свисающими ушами, которые смешно затряслись, когда он залаял.

— Бо, — одернул его хозяин, пригрозив кухонным полотенцем, — будь вежлив с нашей гостьей. Хватит ей потрясений на сегодня.

Пес сменил гнев на милость и даже позволил погладить себя. Усыпив его бдительность, Офелия подобралась к столу, где ее дожидались кружка с мятным чаем и аккуратно сложенный плед. Укутавшись, она устроилась на стуле, поджала ноги и прикрыла саднящие ступни.

— Как тебя зовут, привидение в белом? — шутиливо спросил ее спаситель.

В одежде, болтающейся на ней, как простыня, Офелия и впрямь могла сойти за привидение, что ворвалось среди

ночи в чужой дом. Сорочку она одолжила у сестры, дабы не так сильно грустить в одиночестве. Как и все вещи Флори, спальная рубашка пахла ее духами: свежестью бергамота и сладостью пионов, хотя к этому моменту утратила аромат. Теперь от нее несло потом и дорожной пылью.

Офелия назвала свое имя. Мягкое и певучее, оно совсем не подходило для обычной жизни: «Офе-е-е-елия», — как самая печальная мелодия для скрипки. Представившись, она как обычно добавила:

— Можно просто Фе.

— А я Дарт, будем знакомы.

Его имя пронеслось резко и твердо, как нож, вонзившийся в мишень. Офелия подумала о метателе ножей из цирка. Каждый раз, когда металл и дерево говорили «Дарт», зал аплодировал. Она повторила имя, привыкая к нему. Сложные, длинные имена были для каждого предметом гордости, и при знакомстве люди всегда представлялись полностью, не упуская ни одной буквы.

— Это сокращение?

— Нет, просто мои родители ленивые люди. — Усевшись у противоположного края стола, Дарт лукаво прищурился и спросил: — Ну-с, и что же случилось с Офелией?

После ее короткой сбивчивой речи Дарт погрузился в размышления и задался самым опасным вопросом: где же были взрослые. Ей не хотелось отвечать, но пришлось. Сестра уехала по делам, а родителей с ними больше нет. Как странно и дико звучала правда. Дарт выдохнул одно только «ох» и замолк, а она хлебнула чаю, чтобы избавиться от горечи во рту, оставшейся от ее слов.

— Значит, ты живешь со старшей сестрой, — продолжил он чуть погодя.

— Да, просто Флори уехала решать вопрос с наследством. — Офелия растерянно замолчала, силясь придумать объяснение их проблемам, а в итоге призналась: — Я мало что в этом смыслею.

— Оно и неважно.

Дарт сделал пару глотков из своей кружки и улыбнулся из-под молочных усов, похожий на хитрого кота, а затем небрежно вытер их тыльной стороной ладони, став достаточно серьезным, чтобы спросить:

— Есть идеи, кто мог забраться к вам?

Офелия покачала головой. У нее не было времени обдумать, кто и зачем проник в их дом. Скорее всего, орудовали простые грабители, в Пьер-э-Метале таких шаек полным-полно, особенно на окраинах. Понимая, к чему клонит Дарт, она осторожно сказала:

— Наверно, придется обратиться к следящим.

— Подумаем об этом позже.

Офелия облегченно перевела дух.

Боясь снова встречаться с блюстителями порядка и возвращаться в пустой дом, она лелеяла надежду остаться на ночлег здесь. Дарту ее наглая просьба не понравилась. Улыбка вмиг стерлась с его лица, брови нахмурились. Рассеянным движением он взъерошил черные волосы, пропустив их сквозь пальцы, а после замер, словно прислушиваясь к чему-то... Неизвестно, какой ответ Дарт нашел в напряженной тишине, главное, что сжалился и позволил остаться, хотя и выдвинул для гостя три правила: не соваться в другие комнаты, кроме ныне известных, не трогать вещи без позволения и не задавать лишних вопросов.

— Лишних — это каких? — вежливо уточнила она.

— Например, вот таких, — Дарт смешно передразнил ее и сам же расхохотался.

Выглядел он вполне безобидно, и все же чувствовалось в нем какое-то опасное притворство. Она ведь совсем не знала, кто перед ней. Вдруг это сумасшедший или маньяк, поселившийся в доме на отшибе. Офелии стало любопытно, как Дарту удалось разобраться с преследователями в одиночку.

— Что я сделал с ними? А у тебя какие версии? — бросил он, и в глазах его появился коварный блеск.

Страх, холодный и липкий, как болотная жижа, медленно растекся по телу, и Офелии пришлось успокаивать

себя. Разве может такой добродушный человек оказаться плохим? Встретившись с ним взглядом, она поняла, что молча рассматривает Дарта, вместо того чтобы ответить на его каверзный вопрос.

— Я лишь надеюсь, что ты их не убил.

Дарт и тут нашел повод посмеяться. Смешок был коротким и непонятно что выражающим — то ли веселье, то ли упрек.

— Я похож на убийцу?

— В книжках убийцы обычно те, на кого никогда не подумают. Это развязывает им руки, — изрекла Офелия.

— Мудро. — Дарт одобрительно хмыкнул, а после признался: — Я подстрелил одного из них. Не смертельно, хотя достаточно убедительно. Они удрали, а я отделался легким испугом и разбитым окном.

Финал будто из сказки: злодеи наказаны, герои благородны, принцесса спасена. Офелия просияла и вернулась к уже холодному чаю. К тому времени он превратился в гадкую горьковатую жидкость. Отец называл такой чай «замерзшим», потому что, остывая, забытое озеро в кружке покрывалось пленкой, будто льдом. В какой-то момент, отвлекаясь от работы, отец обнаруживал это, шел за новой порцией и, возвращаясь за чертежный стол, звучно прихлебывал по пути.

Воспоминания согрели не хуже шерстяного пледа, и Офелия едва не уснула за столом. На ватных ногах она поплелась за Дартом и оказалась в той самой спальне, где недавно пряталась.

— Раз вы сами выбрали друг друга, поселим тебя здесь, — заявил он и, пожелав доброй ночи, ушел.

Без него в комнате стало тихо и зловеще. Над кроватью парила тень балдахина, а напротив вырисовывалась мрачная громадина шкафа. Отгоняя прочь пугающие мысли, Офелия скользнула под одеяло и уснула крепко, безмятежно — так, словно и не было никаких погонь, выстрелов, нападений; словно не было ничего, кроме мягких объятий постели.

Комнату заливал яркий солнечный свет. Разноцветные блики от витражного окна танцевали на стене и складывались в причудливые узоры. Офелии казалось, будто она очутилась внутри калейдоскопа, механизм которого только что крутанули. Пестрая картинка почти стерла воспоминания о минувшей ночи, но стоило повернуться, и все тело отозвалось глухой болью.

Умывшись и расчесав спутанные волосы, она почувствовала себя намного лучше. Чтобы оценить свой вид, не хватало только зеркала — а его не нашлось ни в ванной, ни в спальне, ни у лестницы. Поиски закончились, едва Офелия почувяла невероятные запахи: печеного хлеба, молочного какао и ванили. Голодный желудок капризно заурчал, требуя завтрак.

Когда она заглянула на кухню, Дарт как раз доставал противень с выпечкой, насвистывая веселую мелодию. Стол уже был накрыт (почему-то на три персоны). Памятуя о правилах дома, Офелия не стала спрашивать, кому предназначена третья тарелка. Может быть, Бо? Словно прочитав ее мысли, пес переметнулся к ней, выключившая угощение. За эти печальные глаза можно было отдать последний кусок, но ему перепал только краешек сырного кренделя.

После завтрака Дарт собрался к стекольщику, чтобы заказать окно взамен разбитого, и Офелия осмелилась попросить заодно отправить письмо в Лим. Благо она знала адрес, где Флори собиралась остановиться. В коротком послании Офелия просила сестру поскорее вернуться и прийти в дом за пшеничным полем. Чтобы не возникло путаницы, Дарт дополнил письмо простенькой картой, указав стороны света и ближайший ориентир — водонапорную башню. С удивлением Офелия обнаружила, что убежала не так далеко, как ей показалось ночью.

— У меня есть еще одна просьба, — смущенно добавила она напоследок. — Пожалуйста, не обращай к следующим!

Дарт с интересом воззрился на нее:

— Это еще почему?

Она прикусила губу, не решаясь признаться, что им с сестрой нельзя привлекать внимание. Однажды стражи правопорядка отравили их в приют, а затем едва не упекли Флори за решетку. В тот раз сестре чудом удалось спастись, и теперь Офелия боялась, что нынешнее происшествие снова натравит на них следящих.

Она раздумывала над ответом слишком долго, чем и выдала себя. К ее удивлению, Дарт не стал выпытывать подробностей.

— Лезть в чужие проблемы себе дороже. — Он задумчиво потер подбородок и добавил: — Мне хватит разбитого окна.

Уходя, Дарт отдал команду Бо охранять дом — и на том скрылся. Судя по шуму, он последовал не ко входной двери, а на второй этаж. Офелия удивленно слушала, как наверху что-то грохочет. Оставалось гадать, что за выход скрывается там: неужели через крышу? Она бы проверила, но правила дома запрещали посещать другие комнаты, кроме тех, где она уже была, а также трогать вещи, шуметь и открывать *любые* двери. Проще перечислить, что ей дозволялось.

Пытаясь себя чем-то занять, Офелия обошла кухню. Приметила две двери по разным углам — одна вела в кладовую, а другая оставалась тайной, хотя в богатых домах к кухне обязательно примыкала просторная столовая, где проводились семейные завтраки, полуденные обеды и званные ужины. Проверять догадку Офелия не стала и прошествовала в холл. Разбитое окно Дарт заколотил широкой доской и закрепил ее согнутым гвоздем вместо задвижки. По левую сторону от двери было такое же окно, только целое. Выглядело это так, будто после драки у дома остался один здоровый глаз, а второй, подбитый, прикрыли повязкой. Унылая экскурсия завершилась прогулкой по длинному коридору с чередой запертых дверей. Раздосадованно вздохнув, Офелия скользнула в спальню.

